

Маги и волшебники сцены

Маск. шпалер. асф. - шпалер. асф.

Свой 225-й театральный сезон Большой театр ознаменовал грандиозной выставкой «Художники Большого театра» в Матейке, рассчитанной на двадцать дней показа. Но, судя по зрительскому интересу (очереди в кассы, очереди в гардероб, медленно движущиеся зрительские потоки, обтекающие плотный ствол витрины с костюмами, майки декораций, уми не говоря об огромной толпе перед сценой, на которой выступают с концертными программами артисты Большого), она могла бы с успехом демонстрироваться куда дольше. И действительно, здесь есть что смотреть, чем восхищаться. Думается, что даже знатоки, увидев все это великолепие, поражаются несметным богатствам художественного наследия Большого. Справедливости ради следует, разумеется, сказать, что в экспозиции участвуют своими фондами и Театральный музей им. А. Бахрушина.

Огромное пространство Манежа поделено как бы на три нефа. По центру - громадная, потрясающая зрительских задников, образующая с двух сторон широченный коридор, загроможденный стеклами витрин и открытыми подиумами с костюмами. По двум внешним сторонам этого коридора бесчисленное количество эскизов декораций и костюмов всех работавших в Большом театре художников от середины XIX века до наших дней. А на втором этаже Манежа - история Большого в фотографии - сотни, тысячи запечатленных мгновений творческой жизни Первого и Главного Российского Театра.

Еще один важный компонент выставки -

сцена, сооруженная при входе в выставочный зал. Сцена Большая, глубокая, рассчитанная не только на выступления певцов-солистов, но и танцевальные номера. Восторженный прием публики обеспечен прекрасно составленными концертными программами с участием ведущих артистов театра. На этой же сцене - до и после концертов - демонстрируются звуковые видеозаписи спектаклей Большого премьеры лет.

Наше зрительское восприятие декорационного оформления спектаклей стандартно открывается занавес и, если на сцене что-то красивое, зал аплодирует художнику, если декорация невыразительная, публика на нее не реагирует. При этом в обоих случаях зритель остается созерцателем, между ним и сценой - оркестровая яма, рампа. Здесь же, на выставке, каждый посетитель становится как бы участником сценического действия, ничто не отделяет

его от элементов декорации. Вот огромный задник сцены «Баба» из балета «Золушка» С. Прокофьева по постановке 1945 года Художник П. Вильямс представил темные, красивые стены древнего величественного зала, перед грандиозностью которого невольно застывает дух, фигура полей на его фоне кажется совсем крохотной. И невольно возникает желание войти в этот сказочный мир, ощутить себя персонажем пегемдарного сюжета.

Чуть дальше другая волшебная по красоте картина - панорама предвечного Парика, увиденная с высоты Монмартра художником В. Доррером. Это тоже задник оперы «Богема» Дж. Пуччини постановки 1956 года. Все в белой дымке урюжного тумана - дома, мосты через Сену и сама еще спящая река, где-то совсем далеко еле просматривается силуэт Нотр-Дам. Даже тот, кто никогда не бывал в Париже, не избежит

ощущения своей непосредственной сопричастности этому волшебному городу. А уж тот, кто там бывал, по той же причине, по которой, в праздник, который всегда с тобой, как сказал Э. Хемингуэй,

«А Иван Доррер тоже талантливый задник «Дорога» в «Мартышкин душа» Р. Щедрина (1977) - удивительный простор, а в правом нижнем углу рука с сумкой пером. И настолько выразительна эта рука, что за ее скольжением по бумаге так и слышится дробный, едкий смех автора, живнотисущего

Корсакова работы художника Ф. Федоровского 1949 года. До чего же хороши эти золотые, сверкающие на утреннем солнце купола церквей, чистые, белые террасы, крутобокие, мощные сторожевые башни по углам неприступных каменных стен. Цветовая гамма тонов всех оттенков белого, но при этом тональность расточная, убаюкивающая, ведущая к веселью.

А в самом конце центрального нефа и совсем ошеломительная картина на фоне храма Василия Блаженного расположилась огромная толпа народа - князья, бояре, простой люд - десятки манекенов, одетых в костюмы персонажей оперы «Иван Сусянка» М. Глинка работы художника П. Вильямса для постановки 1945 года. Благодаря меньшему освещению картина предстает как бы в разное время дня: ранним утром, в полдень, в амплуах заката, в ночную пору. И фигуры замышляют от восхищения зрителей, сливаясь с ситуативными манекенами, становятся участниками этого феерического представления. Эффект потрясающий!

Можно без конца вести перечисление таких удачных экспозиционных находок. погруженная в полумрак, танцевально фосфоресцирующая панорама художника В. Левенталь и постановке 1990 года оперы «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова,

тоже левентальский задник «Дорога» в «Мартышкин душа» Р. Щедрина (1977) - удивительный простор, а в правом нижнем углу рука с сумкой пером. И настолько выразительна эта рука, что за ее скольжением по бумаге так и слышится дробный, едкий смех автора, живнотисущего

«преlestи» родного российского запустения и его обитателей.

Красоту и величие костюмов надо видеть своими глазами. Бархат, белоснежный горностаевый мех, драгоценности туалета Графини художника В. Дмитриева к «Пиковой даме» 1944 г., изысканность, легкость костюмов П. Вильямса для балета «Ромео и Джульетта» в 1946 году. Балетные платья, туники, созданные для воздушных полетов балерины и танцовщицы, и давящие плечи тяжелых царских и боярских облачения персонажей исторических оперных спектаклей. Бережно сохранены и выставлены персональные костюмы Л. Собиннова (Ленский, Ромео, Вертер, Дубровский), А. Неждановой (Джюльетта, Эльза из «Ложеженки»), И. Колпаковского, М. Шпиллер, Г. Вишнева, М. Маскановой, балетные туалеты Г. Ушаковой, М. Пискевич, Е. Максимова. Возле них всегда толпится народ. 200 костюмов! Глаза разбегаются от сверкания украшающих их камней, золотого и серебряного шитья. Непосредственность близость со зрителью как бы охватывает манекены, превращает в действующих лиц. А из самого поднебесья центрального нефа свешиваются над веренищем костюмов пыльные, фрагменты рисованных декораций, вздувшиеся надобие парусов.

Танцевальным, манящим светом из глубин черных душам! Р. Щедрина (1977) - удивительный простор, а в правом нижнем углу рука с сумкой пером. И настолько выразительна эта рука, что за ее скольжением по бумаге так и слышится дробный, едкий смех автора, живнотисущего

там, внутри декорации, приятное и чуткое близкое ощущение.

Людоем и плечу стопнилась на экспозиции с Беллой Ахмадулиной. Поэтесса шла, словно в трансе, с загадочно-счастливой улыбкой. Джоконды на лице. В толпе посетителя промелькнул типичный представитель кутурьеры Славы Зайцева, художника Бориса Мессерера (у него, как и у других художников Большого, свой специальный раздел на выставке).

Бессмысленное занятие перечислять все фамилии участников экспозиции - их сотни сотен. (Желающие могут там же, на выставке, приобрести подробный каталог.) Ведь первые эскизы декораций и костюмов, представляющие собой аккуратные, небольшие, подробно выписанные картины интерьеров или пейзажей, относятся к середине XIX века. По ним можно проследить всю эволюцию декорационного искусства русской сцены. Но на одном моменте хотелось бы остановиться.

Совсем недавно много шума надела пиетерская премьера «Щелкунчик» в Мариинском театре, оформление и костюмы которой принадлежат Михаилу Шемину, нашему златокопцу-соотечественнику, предпочтительно обитать в США. Художник (как во всяком случае гротескно подавали его СМИ) так погрузился в постановку, что стал диктовать артистам характеры и поведения их персонажей, под него стал работать хореограф. И это было предпринято как откровение, неслыханное новаторство.

На выставке «Художники Большого театра» огромное количество эскизов костюмов. Посмотрите на тех же «Полоса» Ф. Фе-

доровского, рожденных фантазией, а точнее сказать, виденная художника для оперы «Князь Игорь» 1934 г. Эти «полосы» уже давно стали хрестоматийными, они фигурируют во всех изданиях по декорационному искусству. По справедливости. Каков характер! Какая экспрессия, какой диалог, необузданная сила порыва! И какие лица с перекосившимися в яростном крике ртами, безумными глазами! А фигуры! Звереныя пластики, изогнутая стопа, бег на полупальцах! Но разве могло прийти в голову художнику диктовать свои условия хореографу? Да никогда в жизни! Каждый делал свое дело на общее благо рождения спектакля. И так было всегда. Без сенсаций.

А на выставке Большого театра в Манеже слышны: На дай Бог ее закроют, как и было обычно, 31 марта. Такое ведь и вправду можно увидеть только раз в 225 лет. Чаше не получается.

НАТАЛИЯ БАЛАШОВА.
Фото Виктора ВЕЛИКОМЯКИНА
и Максима ЛОГИНОВА
(ИТАР-ТАСС)

27.03.2001

Мирна
Толкин